

Перед сном я читал стихи Василия Ивановича Белова, а утром, и на работе всё думал о них, о поколении детей войны, а потом настало время контрольной работы по истории. Позже я проверял работы учеников и оказалось, что все не смогли ответить на задание, которое звучало так: В истории существует значительное число устойчивых фраз и выражений. Укажите, какое событие или явление обозначает каждое из приведённых выражений, и объясните, почему данное событие или явление получило такое название. Самым не узнанным оказалось название статьи Сталина 1929 года «Год великого перелома», которая была написана к XII годовщине Октября. После работы я поехал в Переделкино к семейству Костровых, с которым был дружен уже много лет, а в голове всё крутилось название статьи отца народов. Всплывали строки Пастернака и Вертинского, посвящённые отцу народов. Уже вскоре мы пили чай и долго разговаривали с Костровыми. Я завёл разговор о стихах Белова на что Владимир Андреевич Костров мне ответил: «Мы с Василием Ивановичем вместе работали над редакцией романа „Год великого перелома“ перед публикацией в журнале „Новый мир“, и в это время он прислал мне книгу своих стихов и написал: „Не знаю, что получается, но никому не хочу верить, а верю только тебе, скажи, что это такое“. Прошло время, и Белов позвонил мне, и я ему ответил: „Василий Иванович, ваши стихи не надо редактировать. Это стихи простодушные, что очень любил Пушкин, и они могут оказаться интересны. Нет никакой ни интеллектуальной, ни чувственной зашоренности“».

Дома я вновь читал стихи Василия Ивановича и вспоминал строки из романа «Год великого перелома»: «но Сталин редко замечал несобственные обиды...». Куда было «шашлычнику» или «семинаристу», как называли вождя народов троцкисты, замечать обиды народа, последствия этих обид, многолетнюю горечь, которая ещё успеет перерасти в вековую безутешность. Этот кровавый рубец на сердце русского народа впитался в сознание, исходящая от него боль передаётся на генетическом уровне, не даёт спокойно спать, запрещает врать самому себе, заставляет быть, а не казаться.

Пожалей меня, пощади,
С грозовой не своди дороги,
Чтоб горел и горел в груди
Неуёмный огонь тревоги.
Слишком мало в запасе дней,
Слишком многое сделать надо.
Пощади меня, пожалей,
Не считай тишину наградой.
Так бы жить вот, чтобы ни дня
Без ветров ошалелых, резких.
Пострашнее меча и огня
Абажуры да занавески...
Если ж я — что всего страшней —
Поверну с грозовой дороги,
Не щади тогда, не жалея,
Разожги мне огонь тревоги.
(1960)

Я читаю стихи Белова и вспоминаю своего деда Александра Павловича Орлова. Седого, голубоглазого, кряжистого, с могучими плечами, большими кулаками, настоящего русского человека, смолянина, сына врага народа. Вспоминаю его сильным и грустным, смотрящим в окно и ответившим мне, десятилетнему, на вопрос «Кто такой Сталин?» коротко и непривычно зло: «Это такая сволочь, Саша!» Сразу на ум приходят строки из великого беловского романа: «Прошлогодня поездка в Сибирь ещё раз убедила его в том, что Троцкий по отношению к крестьянству был абсолютно прав. Эти мешки с дерьмом действительно не годятся даже на баррикады. Мировая революция выдохнется и растворится в инертной мужицкой массе». Эти «мешки с дерьмом», эта «инертная масса» вынесла всё!

Это великое поколение фронтовиков, сидельцев и их детей учило нас не просто жить, а выживать, и так научить сегодня может только Господь Бог, но из землян более никто и никогда. Как быстро разменивали судьбы миллионов, но как величественно терпение русского народа, он весел и непобедим в своей беде и нищете, и это говорит наша история, очевидцем и летописцем которой был Василий Иванович Белов.

Традиционалист Белов не хваток, не впадает в радикальное безумие, в чёрствое неприятие, он искренне жалеет поклонников и поклонниц

эволюционного эпатажа, любителей Миллера, Гудмана, Эллингтогна, Пресли... Но разве сегодня мы не с отвращением смотрим на показательные выкрутасы маменькиных сынков? Разве не с уважением относимся к людям целеустремлённым, выстроившим свой мировоззренческий фундамент?

Юность

Нас жизнь повстречала
Не воплями джаза,
Не запахом вин,
Не трясушкой фокстрота.
Вложила упрямство
В сердца до отказа,
Спецовку дала
И послала работать.
Зажаты мозоли
Мальчишеской горстью,
Зашиты штанины
И рукавицы.
Мы встретили зиму—
Холодную гостью—
Жарищей в крови,
Пузырями на лицах.
Мы спали в палатках
Совсем не для форса!
А утром вставая
С промёрзших постелей,
Кляли холода
И работников орс
И шли в заваруху
Таёжных метелей.
Тропинка с мочком
Замёрзшей синицы.
Дымится пурга
Над верхушками елей,
А где-то, а кто-то
Под ручку с девицей
Вразвалку бродил
По зелёным аллеям.
Нет, думали мы
О таких без обиды.
Балбесы и девицы
Розовой масти,
Мамашины детки
Стиляжного вида
Не портили наше
Громадное счастье!
Дымились костры,
Котлованы зияли,
Гремели цепями
Бетономешалки,
И тех, кто не нюхал
Цемент и стали,
Нам попросту было
Немножечко жалко.
Чернели глазницы

Оконных проёмов,
Росли корпуса,
Кирпичами краснели.
А тех, что сидели
Безвыездно дома,
Мы попросту
Искренне очень жалели.
(1959)

Белов в поэзии и прозе показывает, как человеку на первый взгляд в нечеловеческих условиях не превратиться в животное. Это так легко и так тяжело. Каждый из нас инстинктивно и рефлекторно направлен на самосохранение, именно поэтому мы выбираем социальные роли, моделируем поведение, стараемся предугадать ход действий, предвидеть последствия. И такая действенная неповторимость ведёт каждого. Как часто герои Белова выявляют двойственную натуру человека, но всё это в прозе, а стихи? Стихи представляют нам коренную и многовековую боль народа, который умеет и любить, и прощать. Народа, разделённого на палачей и жертв. Если вдуматься, безусловно, только русский человек будет пить густой лагерный чай со вкусом, воспринимать его как что-то особенное, потаённое, как возможность прикоснуться к великим бедам, стать братом истинным страдальцам, врагом всемогущих подлецов. И в этот момент, когда жгучий настой будет согревать его дух, душу и тело, он становится блажен, от тепла, оттого что становится сопричастен к горестям, и ему хорошо, ведь он частица великого народа, испытавшего, казалось бы, уже всё что только можно, но нет, внутренний голос нащёптывает нам: всё ещё только предстоит. И мы ждём! Чего? Сами не знаем, но ждём, ибо есть на наше ожидание высшее суждение.

Новогодняя песня

Анатолию Заболоцкому

Когда вокруг ни друга, ни врага,
когда толпа знамёнами полощет, —
на горький дым родного очага
я каждый раз иду как бы на ощупь.

В лесном краю никто меня не ждёт,
кольцом ворот побрякаю для вида...
В моём окошке тает синий лёд,
а в сердце тает горькая обида.

Клубится в небо белый-белый дым.
Едва умоюсь снегом белым-белым,
я становлюсь как прежде молодым,
я становлюсь удачливым и смелым.

И в этот час печная головня
дороже мне, чем телефонный вызов.
Пусть друзья пируют без меня,
пусть не меня дурачит телевизор.

Перед огнём родного очага
я голубую полночь повстречаю
и в тишине за друга и врага
налью густого лагерного чаю.

(1985)

Белов был чист и обманут, как был обманут
каждый человек, родившийся и живший в Со-
ветском Союзе, и причина этого обмана — наша
вера. Такова наша национальная особенность. Мы,
идеалисты и романтики, умеем верить, и этим
пользуются все и всегда. Поэтому Белов пишет в
стихах тепло о Ленине и Брежневе... но разве он
был такой один?

Встреча

Бережит мне сердце встреча эта.
Я тогда увидел Ильича,
Не в богатой раме из багета,
Не в густых сполохах кумача.
Не сверкали радужные люстры,
Не играли марши на трубе,
Было тихо, холодно и пусто
В деревенской рубленой избе.
Не забуду вырезочку эту
Из простой газетной полосы.
Примостившись краешком к портрету,
Тихо, тихо тикали часы.
Тикали ритмично, осторожно,
Словно потакая тишине.
Был приклеен, видимо, картошкой,
Тот портрет к бревенчатой стене.
Тишина была больнее раны,
Тишина такая — хоть кричи.
Жили в доме только тараканы
Да больная бабка на печи.
Мне в глаза смотрел Ильич с укором,
Не прощал ни капельки вины,
И дымил я горьким беломором
В тишине убогой старины.
...Мы и эту хворость одалели,
На своём же вынесли горбе,
Вновь качают бабки колыбели
Чуть не в каждом доме и избе,
Подоспели новые события,
Тишина которым нипочём.
Всё равно до смерти не забыть мне
Ту избу и встречу с Ильичом.
(1961)

Помню, как мама встретила меня из школы, и это
было удивительно, так как я перемещался само-
стоятельно, взяла за руку и сказала: Умер Брежнев.

Я сразу ответил: «Так говорить нельзя. Он не
умер».

Мама настаивала на своём: Нет умер, взял и
умер. Продолжила она, заулыбавшись моему не-
верию. Мы пришли домой. Бабушка подтвердила
мне смерть генерального секретаря КПСС, но этого

оказалось мало, и я позвонил папиной маме, она
тоже удостоверила меня в происшедшем. Я позвал
дедушку к телефону, так как женщинам я не пове-
рил, и только слова деда заставили меня принять
смерть Брежнева. Мне было семь лет. Я учился в
первом классе.

Время меняло всё, менялись вожди, вспоми-
наю, как в год новомирской публикации романа
Белова «Год великого перелома», когда с экранов
телевизоров, на радио, в газетах и журналах не-
престанно разоблачали высших должностных лиц
Советского государства, будучи в гостях у деда, я
спросил: «А ты не хотел бы сдать свой партийный
билет?» В ответ я поймал суровый взгляд и сквозь
зубы он ответил: «Я нет! За эту страну я воевал, я
восстанавливал её после войны, я честно трудился,
а те, кто крали, вот пусть и сдают».

На родине моей
Сегодня листопад.
Октябрь стрижёт
Лесную шевелюру.
В пустых полях,
За древними домами
Усатой рысью
Ходит тишина,
И только слышно,
Как в стальное небо
Вбивает осень
Журавлиный клин,
Да тракторный
Усталый рокоток
В последний раз
Дробится над землёй.
Не жди меня,
Весёлая страна,
Тебе нужна
Твоя пора покоя,
Укутывайся
Снежной телогрейкой,
Дыши глубоко
Свежими ветрами,
Пусть отдохнут
От летней канители
Родимые ложбины и бугры.
А я боюсь покоя своего,
Как раз уснёшь
И больше не проснёшься —
Спокойствие души
Необратимо...
(1965)

Мы жили и живём в весёлой стране! Стране, где
национальная черта воспринимать боль как нис-
посланное свыше приводит к мученическому
подвигу, счастливому ожиданию высшего света,
словно каждый из нас знает слова блаженного
Максима Московского Христа ради юродивого
чудотворца: «Хоть люта зима, но сладок рай».